

Т.Н. Попова (Одесса)

БИЦИЛЛИЕВЕДЕНИЕ: ИМЕНА И СМЫСЛЫ

*Когда звезде подыщем мы
Её единственное имя —
Она, с планетами своими,
Шагнёт из немоты и тьмы.*

Александр Аронов

(Из цикла «Неэвклидова лирика»)

Прембула. На международной научной конференции «Петр Михайлович Бицилли (1879–1953). Возвращенное наследие», состоявшейся в Софии в августе 2019 г., возникли, по воспоминаниям И. В. Голубович, жаркие споры: некоторые из участников высказались критически по поводу термина «бициллиеведение», т.е. необходимости «специального понятийно-терминологического» определения новой области исследований. И хотя многие, начиная свое выступление, подчеркивали – «я не бициллиевед», почти никто без термина «бициллиеведение» обойтись не мог. В конечном итоге пришли к общему резюме: за время конференции все стали немного «бициллиеведами», поэтому бояться слова «бициллиеведение» не стоит¹.

Термин «бициллиеведение», используемый в современной полидисциплинарной литературе, посвященной жизни и творчеству профессора Новороссийского (1911-1920) и Софийского (1924-1949) университетов Петра Михайловича Бицилли, «остается спорным», но, тем не менее, «постепенно входит в силу»².

Сущность научной ситуации с «бициллиеведением» заключается в поисках самоидентификации нового исследовательского поля. Масштаб публикаций трудов П. М. Бицилли и многообразных работ о его творческом пути позволяет говорить о том, что в рамках современного научного пространства интенсивно идет формирование новой области гуманитарного знания, институционализация нового научного направления, сложноструктурированным объектом которого выступает сам Петр Михайлович Бицилли, его личность, жизнь, судьба, творческое наследие, «он в мире» и «мир в нем».

Об институционализации. Термин *институционализация* с 1960-х годов активно вошел в западную социологию науки и в 1980-е годы утвердился в советском науковедении. В 1990-е – спорадически, а с 2000-х годов этим термином достаточно широко стали пользоваться историки и представители иных социогуманитарных профессий во всем восточноевропейском регионе³.

Интерпретация этого понятия имеет разные подходы: 1) институциональный процесс связывают с созданием различных организационных форм науки, с формированием системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых, с интеграцией науки в социокультурную систему общества, при этом выделяют две составляющие процесса – внутреннюю логику становления научных областей по предметно-методологическому принципу и административно-организационную; 2) «институциональную сеть» рассматривают как базовую подоснову системы любого научного знания, которая обеспечивает его трансляцию и циркулирование как в границах профессиональной корпорации, так и в социуме⁴; 3) исходя из признания единства двух аспектов научной деятельности, выделяют два «типа институционализации» – когнитивный и социальный: *когнитивная институционализация* предполагает взаимопонимание между учеными на уровне когнитивных параметров науки, способствуя их консолидации на исследовательском уровне, *социальная институционализация* определяет степень интегрированности «интеллектуального движения» (научного сообщества, объединенного взаимопониманием содержания и специфики своей научной деятельности) в социальных структурах. Степень когнитивной институционализации – показатель когнитивной идентичности, т. е. способности отличать «свою» область от других и осознание принадлежности именно к данной когнитивной структуре⁵.

По мнению большинства исследователей, основные параметры институционализации приобретают свой заверченный образ на дисциплинарной стадии развития науки. Институционализацию как тип организации науки традиционно соединяют с понятием «научная дисциплина» как формой или уровнем ее организации, т. к. именно «дисциплинарность науки» характеризует наивысшую степень ее институционализации, а сама научная дисциплина в этом случае рассматривается как «институциональная единица». На дисциплинарной стадии своего развития наука приобретает системную определенность: складывается когнитивная система в неразрывном взаимодействии с организационной системностью научной деятельности (инфраструктурой и социокультурной интегрированностью в социуме).

Если научная дисциплина – это сложившаяся социокогнитивная система, развитие которой происходит уже в дисциплинарном формате, то стадийно предшествующие институциональные формы могут иметь вариативное разнообразие: «невидимый колледж», ветвь, область, отрасль, направление,

проблемное (исследовательское) поле / пространство и т. п., которые, как и научная дисциплина, предстают в качестве «институциональных единиц / таксонов»⁶.

Об имени. Феномен *бициллиеведения* (как и любое научное образование) требует своего инструментария, в первую очередь – категориального аппарата. Выделение новой области гуманитаристики характеризуется не только постоянно увеличивающейся фактуальной (эмпирической) базой, но и рефлексией относительно самого исследовательского процесса, категориальным синтезом, итогом которого является создание новых понятий.

Сегодня уже сформировался блок понятий, которым активно оперируют исследователи: *бициллиевед*, *бициллиеведческие труды и публикации*, *бициллиеведение* (впервые вводит М. А. Бирман)⁷; *институционализация бициллиеведения*, *бициллиеведческий процесс*, *историографические ландшафты бициллиеведения*, *параметрический образ бициллиеведения*, *периодизация бициллиеведения*⁸. Появление этих понятий безусловно связано с началом рефлексивного освоения темы «Бицилли».

Самоназвание – едва ли не главный показатель институционализации науки, маркер самоидентификации исследователей, репрезентантов новой области знания.

Для А. Ф. Лосева – «имя и есть сама вещь»: «Знать имя – значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи – значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью»⁹. Однако «общение» возможно лишь на условии различения «себя-от-других», в процессе и в результате самоидентификации. Уровень и формы этого «различения», безусловно, имеют социальную градацию. Тем не менее, самоидентификация любого явления начинается с осознания принадлежности ему его имени, с наделением любого явления *его именем*, что позволяет этому явлению приобрести определенный социальный статус: «...только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления...»¹⁰. Осознание собственной сущности и наделение этой сущности собственным именем – процесс рефлексивный, результат самоанализа / самопознания.

Схему институционализации бициллиеведения по «именному» параметру можно условно представить по следующей схеме:

I. Поскольку возникновение новой «идеи» (новой проблематики исследований – изучение жизни и творчества

П. М. Бицилли) связано с ее «носителем» – субъектом-исследователем, научная деятельность которого приобретает свою тематическую специфику, постольку саморефлексия исследователей наследия П. М. Бицилли требует самоидентификации, выражающейся в первую очередь в «социализации» своего «особого» места в научном поле в форме «самонаименования», т.е. в появлении собственного «имени» – *бициллиевед*.

2. Расширение диапазона результатов исследовательской деятельности «бициллиеведов» рождает и новые «названия-имена» для самой научной продукции – *бициллиеведческие труды и публикации*.

3. Возникновение терминов «бициллиевед», «бициллиеведческие труды», «бициллиеведческие публикации» приводит к рождению понятий *бициллиеведение, бициллиеведческий процесс, институционализация бициллиеведения*, когда речь идет уже не только об анализе бициллиеведческой литературы, но о формировании сложной социокогнитивной системы, представляющей собой относительно самостоятельное структурное подразделение гуманитарных исследований.

4. Качественно новый этап – осмысление всего процесса «изучения Бицилли» в регионально-хронологических и меж/дисциплинарных координатах с учетом когнитивных и социальных параметров нового научно-исследовательского явления – детерминирует в свою очередь закрепление его самоназвания: *бициллиеведение*.

Именно в «имени» сконцентрирована социальность нового когнитивного образования, и появление «самоназвания» – принципиальный показатель институционализации нового исследовательского направления. По традиции подобные персоналогические направления историко-биографического плана называют по имени «героя», например в украинской историографии – «грушевськознавство», «франкознавство», «костомаровознавство», «гоголезнавство»¹¹ и т.п.

Ремарка. Проблема имени входит в более широкий круг проблем *истории понятий*, или *концептуальной истории* (conceptual history). В украинской историографии эти проблемы фундаментально были разработаны И. И. Колесник¹², новая книга которой – «Глобальна історія. Історія понять» (Київ: НАН України; Інститут історії України, 2019. 348 с.) предлагает многоплановую аналитику формулы «глобальная история». Если «глобальноисторические» исследования имеют уже свою историю, то сам термин «глобальная история»

появляється в англосаксонській інтелектуальній традиції 1990-х гг. і до сих пор остається в дискусійній площині.

Суть сучасної наукової ситуації навколо глобальної історії, вважає І. І. Колесник, лежить в пошуках її ідентичності: це напрям, підхід, методологія, історична дисципліна¹³. Відсутність саморефлексії в стосунку власного досвіду у дослідників глобальної історії, наявність цілого сімейства «родових» термінів («загальна», «світова», «загальною», «універсальна», «світова» історія, «культурний трансфер», «імперський меридіан» і т. п.) ускладнює дослідницький процес і вимагає концептуалізації поняття.

Люба дисципліна або предметна / проблемна область – це в першу чергу визначена система понять. Використання понять як аналітичного засобу передбачає «роз'яснення» понять, їх експлікацію – в результаті *слово* перетворюється в інструмент пізнання, комунікативний маркер в міждисциплінарному просторі, предстает уже не лексическої одиницею, а визначеною моделлю організації інформації, вивчення фактів, подій, явищ і т. п., а «робота зі словами» визначає «мовну культуру» вченого. Мова науки – система відкрита, гнучка і динамічна, тісно пов'язана з соціокультурним простором, розширенням дослідницьких полів, з креативними пошуками вчених, постійно поповнювана новими поняттями, вимагаючими концептуального обґрунтування.

Серед них і «глобальна історія», означаюча в інтерпретації І. І. Колесник в широкому значенні – історичну ідеологію епохи глобалізації, що приходить на зміну відомим парадигмам: позитивізму, методологізму, марксизму, постмодернізму, а в вузькому – три типи історіописання: транснаціональну історію, соціальну теологію і перехрестну історію¹⁴.

О статусе. Сьогодні біцилієведінню вкрай важко надати статус наукової дисципліни: соціокогнітивні параметри не набули системної завершеності, когерентність компонентів дисциплінарності – відносна, інфраструктура не сформована. Авторів біцилієведчеських робіт в своїй більшості не ідентифікують як «біцилієведів»: об'єктивна причина в тому, що біцилієведчеські дослідження не є для багатьох з них домінуючими (за винятком, мабуть, «пізнього Бірманна»). І, тим не менше, можна виділити ряд показувачів, які

свидетельствуют о том, что институциональный процесс набирает темпы.

Когнитивная институционализация в своих основных чертах обрела более-менее отчетливый силуэт системности: определилось предметное поле новой области знания с четкой тенденцией к расширению; сформировался совокупный объект исследований – за 1912–2000-е годы труды П. М. Бицилли, опубликованные ранее, реопубликованные и новые, неизвестные доньше, стали достоянием исследователей; материалы личных / семейных архивов, архивные документы, эпистолярий, мемуаристика и проч. составили значительную источниковую базу персональной истории П. М. Бицилли; сложился полидисциплинарный исследовательский инструментарий в научной деятельности «бициллиеведов» различной дисциплинарной принадлежности; изданы фундаментальные работы¹⁵ в широком проблемно и дисциплинарно ориентированном диапазоне; подходы к оценке личности, творчества Петра Михайловича, его роли и места в мировой науке в своих принципиальных чертах получили универсальное понимание в сообществе «бициллиеведов» и т. п.

Социальная институционализация проявляется по ряду параметров: в основных «ландшафтах» бициллиеведения – Болгарии, России и Украине – более-менее скомпановались сообщества «почитателей Бицилли», между многими из которых установлены достаточно прочные личные контакты: происходит обмен информацией, что способствует консолидации «бициллиеведов» не только в государственных границах внутринаучного поля, но и в межгосударственном пространстве; неопределима роль «лидеров» и «инициаторов» институционального процесса (М. А. Бирман /Израиль/, Т. Н. Галчева /Болгария/ и др.); информационно-коммуникационным «сетевым» координатором явился блок библиографических трудов, расширяющийся и уточняющийся с каждым очередным изданием и т. п. Одним из важнейших коммуникативных маркеров в институционализации является организация персоналогических конференций. Первая региональная научная конференция – Историографические чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П. М. Бицилли, – состоялась в Одессе на базе исторического факультета Одесского национального университета имени И. И. Мечникова (1999); в сентябре 2007 г. в Одессе в рамках международной украино-болгарской конференции «Болгары в Северном Причерноморье» был проведен Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы», участниками которого стали представители

болгарского (М. Велева, Д. Григорова), украинского (И. И. Колесник /Киев/, В. Г. Пикалов /Харьков/, О. Б. Демин, Т. Н. Попова, Д. А. Шумейко, В. В. Левченко /Одесса/) бициллиеведения, а также профессор М. А. Бирман (Израиль)¹⁶. Последняя по времени международная конференция «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П. М. Бицилли» прошла в Москве 18–19 ноября 2019 г.¹⁷

Статус *бициллиеведения* на сегодняшний день можно определить по-разному: 1) это – относительно самостоятельные направления исследований в границах отдельных дисциплин – истории, историографии (как истории исторической науки), философии, культурологии, филологических наук, социологии, политических наук и проч.; 2) это – полидисциплинарное проблемное поле, пересекающее дисциплинарные и государственные демаркации; 3) это – самостоятельный раздел гуманитаристики с междисциплинарным инструментарием и т.п.

Resume: Если термин «глобальная история» вызывает противоречия в первую очередь из-за своего «глобального» содержания: этому термину придают многовариантную смысловую нагрузку, то термин «бициллиеведение» по своему предметному полю достаточно понятен большинству исследователей «темы Бицилли», поскольку бициллиеведческий процесс насчитывает уже более столетия – с 1913 г.¹⁸ Среди факторов «неприятия» нового понятия, возможно, и личные пристрастия; и определенный конвенциональный консерватизм; и, несмотря на «лозунги междисциплинарности», игнорирование смежных гуманитарных областей (истории и теории науки, философии и социологии науки, науковедения в целом), этот факт способствует тому, что дискуссии среди профессионалов-гуманитариев ведутся подчас без должной специальной подготовки; и отсутствие саморефлексии в отношении собственного исследовательского опыта.

Последующие институционально-дисциплинарные модуляции бициллиеведческого процесса неизбежно приведут к новым форматам этого интеллектуально-научного пространства в современной культуре. Однако превратится ли бициллиеведение в «дисциплинарную науку о П. М. Бицилли»¹⁹, достигнет ли институциональный процесс уровня дисциплинарности, т.е. будет ли сформирована стройная социокогнитивная система, вписанная в международное социокультурное и научное пространство, во многом зависит от активной позиции всех, причастных к «постижению Бицилли», а также от разнообразных факторов – научных и вне-научных.

В любом случае слово «бициллиеведение» уже существует и его консолидирующий потенциал вряд ли стоит недооценивать.

¹ См.: Голубович И. В., Попова Т. Н. Размышления на два голоса. Читаем книгу: Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М., 2018. 444 с. // Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации / ред. кол. Л. Н. Богатая, И. В. Голубович, К. В. Райхерт; отв. ред. Л. Н. Богатая. Одесса, 2019. С.143-158.

² См.: Селунская Н. А. Интеллектуальная биография П. М. Бицилли в интерпретации М. А. Бирмана // Славянский Альманах / Институт всеобщей истории РАН, Россия; глав. ред. К. В. Никифоров. М., 2020. № 1-2. С.473.

³ Среди первых публикаций в Украине по институционализации историографии см.: Попова Т. Н. Об институционализации историографии // Исторична наука на порозі ХХІ століття: підсумки та перспективи. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції (м. Харків, 15-17 листопада 1995 р.). Харків, 1995. С.77-82.

⁴ См.: Ясь О. «На чолі республіканської науки...». Інститут історії України (1936–1986). Нариси з інституціональної та інтелектуальної історії (До 80-річчя установи) / Вступне слово та наук. ред. Валерія Смолія. Київ, 2016. С.13.

⁵ См.: Уитли Р. Когнитивная и социальная институционализация научных специальностей и областей исследования // Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов с англ. и нем. / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина; пер. с англ., нем.: Л. А. Седова, М. К. Петрова, А. П. Огурцова; науч. ред. Л. В. Блинные. М., 1980. С.220-228.

⁶ См. подробнее: Попова Т. Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. С. 197-212; 247-252.

⁷ См.: Бирман М.А. А.П. Мещерский (1915–1992). Несколько страниц к биографии первого «бициллиеведа» // Політролов. К 70-літтю Володимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 800, 803.

⁸ См.: Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. С.277-313.

⁹ Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990. С.185.

¹⁰ Там же. С.20.

¹¹ В «Енциклопедії Сучасної України» «гоголезнавство» определено в качестве научной дисциплины, объединяющей исследования разных аспектов жизни и творческого наследия Н. Гоголя. См.: Енциклопедія Сучасної України. Т. 6: «Го» – «Гю» / Гол. редкол.: Дзюба І.М., Жуковський А.І., Железняк М.Г. та ін.. Київ, 2006. С.326.

¹² Колесник І. Українська історіографія: концептуальна історія. Київ, 2013. 566 с.

¹³ Колесник І. Глобальна історія. Історія понять. Київ, 2019. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 8-9.

¹⁵ Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество. М., 2018. 444 с. – первая монография по интеллектуальной биографии П.М. Бицилли.

¹⁶ См. об этом: Зленко Г. Историографические чтения // Вечерняя Одесса. 1999. 25 декабря.; Український історичний журнал. 2008. №.1 и др.

¹⁷ О конференциях, посвященных П.М. Бицилли, см. подробнее: Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. С.322-330. Раздел: «Бициллиеведение»

¹⁸ См. подробнее: Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. С.284. Раздел «Бициллиеведение: историографический контур».

¹⁹ Васильева М. [Рец.:] Анненкова И. В. Неизгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли / Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012 / отв. ред. Н. Ф. Гриценко. М., 2012. С. 594.